

УДК 81'282 (470. 319)

DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ОРЛОВЩИНЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СВОЕОБРАЗИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Татьяна В. Бахвалова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Российская Федерация

В статье показана роль социально-исторических факторов, повлиявших на развитие и современное состояние орловских говоров – одних из центральных говоров южного наречия, сыгравших важную роль в формировании русского литературного языка. Приведены примеры лексических и фонетических особенностей разных периодов их возникновения, повлиявших на пестроту и неоднородность лингвистического ландшафта как яркую отличительную черту говоров Орловщины. Описаны группы диалектных апеллятивных и онимических единиц, отражающих заимствования из тюркских языков, контакты местного населения с жителями других территорий. Особое внимание уделено фактам и явлениям, возникшим в говорах под влиянием социальных факторов. Своеобразие речи отдельных исторически сложившихся групп населения выявлено и отражено в статье на основе данных, содержащихся в трудах лингвистов, в текстах художественных произведений писателей-орловцев, в живых народных говорах. Представлен анализ отдельных слов, демонстрирующий изменение семантики, реализацию словообразовательного потенциала в процессе их функционирования в местных говорах. Приведены примеры островных говоров на территории Орловского края и показаны лексические и фонетические особенности, отличающие их от соседних типично южнорусских говоров.

Ключевые слова: южное наречие, орловские говора, формирование, социально-исторические факторы, лингвистический ландшафт

LINGUISTIC LANDSCAPE OF FOLK DIALECTS OF THE OREL REGION AS A RESULT OF THE PECULIARITY OF ITS SOCIO-HISTORICAL EVOLUTION

Tatjana V. Bahvalova

Orel State University n. a. I.S. Turgenev,
Russian Federation

The article shows the role of socio-historical factors that influenced the evolution and current state of the Orel dialects – one of the central dialects of the southern dialect which played an important role in the formation of the Russian literary language. It presents examples of lexical and phonetic features of different periods of their occurrence which influenced the diversity and heterogeneity of the linguistic landscape as a bright distinctive feature of the dialects of the Orel region. Groups of dialectal appellative and onymic items reflecting borrowings from Turkic languages, contacts of the local population with residents of other territories are described. Special attention is paid to the facts and phenomena that have arisen in dialects under the influence of social factors. The peculiarity of the speech of individual historically formed groups of the population is revealed and reflected in the article on the basis of data contained in the works of linguists, in the texts of literary works of writers from Orel, in living folk dialects. The author analyzes individual words that demonstrate the change in semantics, and the realization of word-formation potential in the process of their functioning in local dialects. Examples of island dialects on the territory of the

Orel region are given and lexical and phonetic features that distinguish them from neighboring typically Southern Russian dialects are shown.

Keywords: *southern dialect, Orel dialects, formation, socio-historical factors, linguistic landscape*

Введение

Одним из важных проблем языкознания является происхождение русского литературного языка. Диалектологи долгое время считали, что «в основу русского литературного языка лег диалект Ростово-Суздальской земли» [Русская диалектология, 1989: 193]. Московский же говор как один из говоров ростово-суздальского диалекта, «став говором центра, в дальнейшем послужил основой русского литературного языка» [Горшкова, 1972: 104].

Пересмотру укоренившихся взглядов о преимущественно севернорусской основе русского литературного языка во многом способствовали труды С.И. Коткова, который, по мнению О.Н. Трубачёва, «показал значительность южновеликорусского вклада в общенародный язык» [Трубачёв, 2005: 217].

Основоположник источниковедения как особого раздела языкознания С.И. Котков, детально исследовавший южновеликорусскую письменность, пришел к выводу, что, обладая в XVI–XVII вв. лексическим и фонетико-грамматическим единством, «южновеликорусское наречие способно было и непосредственно, и опосредованным образом – через средневеликорусскую стихию, говор Москвы и другие каналы – играть влиятельную роль в формировании русского национального языка» [Котков, 1970: 290].

Влияние южных говоров на особенности общенародного языка проявляется на разных языковых уровнях. Так, С.И. Котков отмечает, что «в современном состоянии синтаксис южновеликорусских говоров несколько ближе к общенародному, нежели северновеликорусский» [Котков, 1980: 107]. О.Н. Трубачёв обращает внимание на общность определяющих фонетических особенностей литературного языка и южных говоров: «центральным было и остается явления аканья, центральным как по структурной характеристике и важности ввиду охвата также общенародного (национально-литературного) языка, так и по своей центральнодиалектной принадлежности», первоначальная же территория акающего диалекта включала курско-орловские и соседние говоры [Трубачёв, 2005: 208].

Все сказанное свидетельствует о большой роли южных говоров, в том числе и орловских, в становлении русского литературного языка, что подчеркивает необходимость и важность их изучения.

Результаты и обсуждение

Формирование и сохранение диалектных особенностей орловских говоров происходило в сложных исторических условиях. Результатом своеобразного развития говоров на протяжении столетий является пестрота их лингвистического ландшафта, не раз отмечавшаяся диалектологами.

Как очень точно отметил Р.И. Аванесов, «многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов» [Аванесов, 1974: 122].

Лингвистический ландшафт орловских говоров отличается неоднородностью на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом. Наиболее ярко его своеобразие проявляется в словарном составе.

Лексика разнообразна и по происхождению, и по своей ареальной характеристике.

В словарном составе орловских говоров выделяется целый пласт лексических единиц, заимствованных из тюркских языков. В «Словаре орловских говоров» [Словарь орловских говоров, 1989–2016] и его картотеке, материалы которой хранятся на кафедре русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, они представлены в разных группах лексики. Приведем лишь некоторые примеры:

– лексика природы: *бакáлда* «низкое место на пашне», *буерáк* «овраг, провал в земле», *яр* «большой глубокий овраг», ср. *яру́га* «глубокий овраг»;

– слова, называющие различные емкости для сыпучих и жидких веществ: *балáкирь* / *балакíрь* / *балáкир* «высокий глиняный горшок для молока, пива», *баклáга*, *баклáжка* «небольшой бочонок», *казáн* «чугун», *корчáга* «большой, обычно глиняный сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей», *чувáл* «мешок из мешковины для переноски, перевозки, хранения зерна, муки, картофеля и др.»;

– названия предметов, употребляемых в быту: *аля́т* «топор для рубки мяса», *ба́стрик* «жердь, при помощи которой скрепляют на возу снопы, сено, солому», *тамга́* «зарубка на дереве», *саба́н* «деревянный плуг», ср. образованное от него, отсутствующее в словарях слово *сабанчи́* «те, кто вспахивают землю плугом; плугари»;

– тюркизмы, обозначающие продукты питания, кушанья и др.: *каймáк* «топленое молоко, заквашенное сметаной», *у́рень* «напиток, приготовленный из простокваши, разведенной водой»;

– названия одежды: *башлы́к* «верхняя суконная одежда с капюшоном, надеваемая в непогоду», *чуйка́* «мужская верхняя одежда в виде длинного, расклешённого к низу кафтана с большим круглым воротником»;

– оценочные номинации: *альёр* «обманщик, плут, мошенник», ср. *альёрник* «тот, кто сует нос в кастрюли, тарелки и т.п. в поисках вкусного», *бейбас* «непонятливый, бестолковый человек» и др.

Подобные диалектные лексические единицы не только содержат сведения о традиционной жизни тюркских народов, своеобразии их быта, но и показывают особенности южных говоров, историю и культуру русского народа.

Многие заимствования в процессе длительного употребления в народных говорах существенно изменили свою семантическую структуру. Так, если слово *башлык*, известное в литературном языке в значении наиболее близком к исходному («суконный или шерстяной капюшон с длинными завязывающимися концами, обычно надеваемый поверх шапки»), в орловских говорах, как сказано выше, является названием одежды с капюшоном – *А какая адёжа была? Башлык, свита.*

Степень семантического дистанцирования от исходного значения заимствованного слова может быть различной. Покажем это на примере слова *улус*. В литературном языке оно имеет статус историзма, известно в значениях, связанных с эпохой татаро-монгольского ига: «владение монгольского хана на территории Центральной Азии и Восточной Европы», «поселение, стойбище тюрко-монгольских народов в Европе» [Словарь русского литературного языка: Т. 16: 554]. Как отмечает Ю.И. Чайкина, «русские летописи подчеркивают принадлежность апеллятива *улусь* татарской административной терминологии», со временем это слово «проникает и в состав русских территориальных единиц» и наряду с производным *улусець* употребляется как административная единица в значении «часть волости» [Чайкина, 2005: 66].

Слово *улус* широко употребительно в живых народных говорах. Большинству из них, как и в литературном языке, свойственна сема «часть территории, участок». Именно эта сема представлена в значении слова *улус*, с которым оно зафиксировано в орловских говорах и представлено в СОГ, «земельный надел; участок»: *Поле-ть ужэ рьздилили нь улусы.* С обозначением части от целого связано и другое, метафорическое по образованию, значение «большой кусок (мяса, хлеба и под.)»: *Целый улус мясь съел. Пирагов ньпикла, улус сама сразу съела.*

Наличие значительного числа заимствований из тюркских языков объясняется теми процессами, которые происходили в прошлом на территории современной Орловщины.

Верховья Оки являлись районом, наиболее часто подвергавшимся набегам татаро-монгольского войска. Именно здесь пролегал их путь на север, в центр Русского государства.

Нашествия завоевателей на земли орловского края продолжались в течение столетий. Как известно, эта территория представляла собой пограничную полосу оседлого славянорусского и кочевого тюркского населения. С падением Золотой Орды на юге укрепились крымские и ногайские татары, постоянные набеги которых в течение веков опустошали города и села.

Длительные контакты местных жителей с тюркоязычным населением не могли не отразиться на составе лексики говоров. Об этом свидетельствуют как вышеприведенная апеллятивная лексика, так и местные топонимы: ойконимы – с. *Татáрка*, с. *Татáрово*, с. *Татáриново*, д. *Татáрская*; микротопонимы – ручей *Татáрский*, *Татáрский* овраг, *Татáрский* лес, *Татáровский* лес, *Татáрское* урочище, ср. также д. *Баска́ково*, *Басма́нов* хутор, с. *Сабúрово*, д. *Сабúрово*, д. *Сабúровские Вы́селки*, *Сабúровский* верх.

Не исчезли бесследно и названия некоторых объектов, имевших в прошлом прямое отношение к набегам татар. Так, одна из дорог, которыми пользовались татары для вторжения в пределы Московского государства, называлась *Свиной шлях*, она вела татар от Рыльска до Болхова и далее на Москву, т.е. по западным районам орловского края. Свиная дорога проходила по вытянутой возвышенности между водоразделами двух рек – Оки и Десны. «Татары держали свой путь по возвышенностям свиной дороги» [Пясецкий, 1875: 56].

В живых орловских говорах, в Дмитровском и Хотынецком районах, как обозначение дороги, проходившей в прошлом по этой территории, употребляется слово *свина́к* – *Была Татарскъя у нас, Свинак киламетръ два асталси. При Татарскай ишии Свинак асталси, кагда татары ат Киевскъвъ княжыствъ дъ Масковскъвъ шли*. Известно это слово и как обозначение современного артефакта, а именно неасфальтированной, немощеной проселочной дороги – *Свинак – пръижжалъя дарога, ниасфальтиръвънная*. Для понимания мотивационной основы этого слова важно заметить, что словом *свина́к* носителями говоров обозначается и участок местности, разделяющий сток атмосферных осадков в разные стороны, два бассейна рек, речек – *Свинак – свиной рубеш, ръздилял речки: адни тикли в адну сторъну, другии – в другуу*. Микротопоним *Свинак* используется также для наименования дороги Хотынец – Липовка, которая проходит по водоразделу, недалеко от истоков рек Орлица и Орлик.

С историческими процессами, происходившими в прошлом в Верховьях Оки, связаны и некоторые фонетические особенности орловских говоров.

Так, в большинстве орловских говоров аффрикаты [ц] и [ч'], как и в литературном языке, противопоставлены по твердости-мягкости и отчетливо различаются в произношении. Однако в ряде говоров наблюдается ослабление затвора у смычно-щелевого звука [ц] и произношение на месте [ц] звука [с]: *ку́ри[с]са*, *у́ли[с]а*, *ате́[с]*, *яй[с]о́*, *не́м[с]ы*, *до кон[с]а́* – *Мельни[с]ы*

раньше были ветрянки. И овёс, и рожь, и пшани[с]у сеяли. После войны молотили [с]апами. В шесть [с]апов молотили.

Такое произношение аффрикат на территории Орловщины встречается в речи жителей Ливенского, Должанского, Новодеревеньковского, Колпнянского, Покровского и др. районов. С.И. Котков, детально исследовавший фонетическую систему говоров орловского края, замечает, что произношение [с] на месте [ц] наблюдается вдоль рубежа, существовавшего в этих местах со второй половины XIV в. примерно до конца XV в. между Московским государством и Литвой. В это время «часть южновеликорусских говоров оказалась отделенной рубежом от основного южновеликорусского массива, что произошло в результате захвата новых русских земель на востоке польско-литовскими феодалами. Поставленные на известное время в условия некоторой изоляции от этого массива, ...южновеликорусские говоры оказались в области преобладания западных говоров, в сфере влияния представленного данными говорами языка, и претерпели вследствие этого некоторые изменения, хотя и не коснувшиеся главной массы южновеликорусских говоров» [Котков, 1952: 47].

Исторические процессы нашли отражение не только в лексических и фонетических особенностях орловских говоров, но и в антропонимиконе края. Так, по наблюдениям В.А. Никонова, в Орловской области достаточно распространенной является фамилия *Кузнецов*. Причем граница преобладания этой фамилии «удивительно совпадает с южным рубежом Московского государства середины XVI в. после присоединения Верховских удельных княжеств, когда оборонительная укрепленная черта пролегла по степям от Дона до Оки... Такое совпадение едва ли случайно. За этой чертой простиралось “дикое поле”, широкое русское заселение и сельскохозяйственное освоение которого стало безопасным только во второй половине XVI в.» [Никонов, 2005: 95].

В формировании состава населения Орловщины в XVI–XIX вв. активное участие принимали переселившиеся и переселенные сюда в разное время из других регионов беглые холопы, служилые люди и крепостные крестьяне.

Помещичья колонизация, продолжавшаяся и в XVIII, и в XIX вв., «шла из разных мест и приводила к пестроте говоров ... на нашем юге» [Горшкова, 1972: 147], к возникновению в них «островных» говоров.

Потомки помещичьих крестьян, вывезенных из северных губерний России, проживают на территории нескольких районов современной Орловщины. Эти группы местного населения до сих пор сохраняют следы территориальной принадлежности своих предков. Данный факт объясняется прежде всего более поздним по сравнению с другими этническими группами

временем переселения помещичьих крестьян на южные земли, а также компактностью проживания.

«Диалектная пестрота на территории бывшего Кромского и примыкавших к ним Орловского и Малоархангельского уездов бросается в глаза», – отмечал С.И. Котков, детально изучивший в середине XX в. говоры Орловской области со стороны их вокализма и выявивший большое скопление «окальцев», не успевших еще расстаться с севернорусским оканьем. Это относится в первую очередь к жителям Каменки, Гнилуши и Куракина Малоархангельского района, которые в отличие от акающего окружения сильно оказывают [Котков, 1951: 96].

Особенности северных говоров в этих населенных пунктах фиксировались также и в конце XX в.: диалектные слова северного ареала, звук [ɛ] взрывной, твердый звук [т] в глаголах 3-го лица и др. [Кирсанова, 1984]. Сами носители говоров чувствуют отличия в обозначении отдельных реалий в своей родной деревне и соседних селениях. Приведем примеры, записанные в 1977 г в Глазуновском и Кромском районах: *У нас не завут вязёнъчки, варишки толька. У нас завут тилёнък, а там тилок. У них ямки, а у нас ухват. В Бъгароцкой и в Раговке крест-накрест анучи насили, а у нас в Кароськъве стаканчикъм. Слова вáрежки, телёнок, ухвát широко употребительны в северных говорах, а вязёночки, телóк, ямки распространены в говорах южного наречия.*

Здесь наблюдаются особенности в характере застройки улиц, в планировке личной усадьбы. Старожилы помнят былые отличия в одежде, домашней утвари, некоторых обрядах, в их речи употребляются слова, широко распространенные в говорах северного наречия.

Северные черты проявляются и в архитектурном облике крестьянской избы: важной деталью русской крестьянской избы является крыльцо. Эта часть жилого строения в д. Каменке называется *мост*. Данное существительное в таком значении активно используется носителями северных говоров. Характерной особенностью крестьянского жилища является русская печь. Площадка перед устьем русской печи в литературном языке называется *шестóк*. В таком значении это слово широко употребляется в северных говорах. Зафиксировано оно и в д. Каменке. Важно заметить, что в говорах соседних деревень для обозначения данной реалии употребляется, как и в большинстве южных говоров, слово *загнётка*: *Нъ загнетку ставили кастрюли, чугуны горячие. Шысток – этъ загнетка.*

В крестьянском доме, кроме русской печи, часто была еще одна печь – из кирпича, с лежанкой или без нее, с плитой или без плиты. В говорах Орловщины, как и многих других южных говорах [Словарь русских народных говоров: Вып. 7: 155–156], для обозначения такого вида печей обычно используются слова *груба, грубка*: *Груба – этъ хърашо: и места малъ*

зънимають, и тѣпло у хатѣ. Есть печька, а есть групка – этъ так топъчкъ малинькѣя, и идѣть труба. Группку тапили к ночи. А адной печькѣй будит хъладно. А печьку тапили утѣрам. Скѣтине варили. А к ночи, штоп тѣплѣе былъ у хатѣ, – групку. Зимой тапили и печьку, и групку. В д. Каменке данное существительное в речи носителей говора не употребляется.

Севернорусские черты, свойственные говору д. Каменки, ярче всего проявляются в тех группах лексики, которые являются традиционными и связаны с повседневным бытом, трудом.

Домашние животные всегда были рядом с человеком. Они, как и человек, характеризовались с самых разных точек зрения: и по внешнему виду, и по характеру, и по возрасту, повадкам и др., но прежде всего и обязательно по тем особенностям, ради которых они содержались человеком. В д. Каменке о дойной корове скажут *дои́лая*: *У ней нынчи гот дои́лая корова*. По словообразовательным и семантическим связям это прилагательное соотносится с севернорусским словом *дои́ть* «давать молоко». В других населенных пунктах Орловщины прилагательное *дои́лая* не зафиксировано. О бодливой корове в д. Каменке скажут *боду́чая*, тогда как в других орловских селах такую корову назовут *колю́чая*, *колóка*, *бруху́чая*, *брухáчая*, так как она *кóлется* «бодается», *брухáется* «бодается».

Не употребляется старожилами д. Каменки и южнорусское слово *заку́та* как обозначение помещения для скота. Распространение этого слова в южновеликорусских говорах отмечал С.И. Котков в «Очерках по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков» [Котков, 1970: 144]. Широкий южный ареал слова *заку́та* в живых говорах подтверждают и данные диалектных словарей. Тожественным по значению названному слову в д. Каменке является слово *кле́в*: *Кагда малинькие пѣрасѣята, на двое в кле́ву сидѣят*. Существительное *кле́в* широко распространено в народных говорах Севера. На территории Орловской области оно зафиксировано в Глазуновском, Кромском, Малоархангельском, Хотынецком районах, т.е. в основном там, где живут потомки переселенцев с севера.

Интересно, что некоторые слова в д. Каменке употребляются с иным значением, чем в говорах соседних деревень, обозначают близкие, но все же другие реалии. Так, слово *вы́гон* в разных районах Орловской области известно в значении «открытое место в центре или на краю села, где пасется скот утром, перед тем, как гнать его на пастбище, и вечером, по возвращении с пастбища» [Словарь орловских говоров: Вып. 2: 109]. В д. Каменке оно обозначает другую реалию – *вы́гон* здесь «переулок, улица, по которой гонят скот на пастбище»: *В вы́гн карову пустиш, а там ийё пѣгонѣт, кто ззади идѣт*. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы оба значения, причем территориально они дифференцированы: «площадь на окраине села, где стоят ветряные мельницы, общественные амбары и пр.» воронежское, а «переулок в селе, по которому скотину выгоняют на пастбище» вологодское [Словарь русских

народных говоров: Вып. 5: 267]. Таким образом, в д. Каменке слово *выгон* употребляется с тем же значением, что и в северных вологодских говорах.

Существующие в орловских говорах на протяжении нескольких столетий привнесенные сюда лексемы севернорусских говоров могли сохраняться в речи потомков без изменений, могли претерпевать изменения в фонетическом облике, грамматическом оформлении, семантической структуре. Компактность проживания, определенная изолированность способствовали, с одной стороны, «консервации», сохранению черт северных говоров, с другой стороны, – созданию условий для самостоятельного, своеобразного развития системы говора.

Определенный отпечаток на формирование говоров переселенцев оказало и южнорусское окружение. Контакт с населением соседних сел – носителями южных говоров – не мог не отразиться на лексической системе говора д. Каменки. Число лексем северного ареала здесь относительно невелико; сохранившиеся лексемы связаны с повседневным бытом, трудовой деятельностью, обозначают традиционные, наиболее важные для сельского человека понятия; сфера употребления таких лексем – речь людей преклонного возраста.

По мнению Н.Н. Дурново, многие диалектные различия в южных говорах связаны не только «с происхождением той или другой части населения от переселенцев из других областей», но и с бывшей принадлежностью населения к разным социальным группам, с обособленностью жизни отдельных групп населения: «одноворцы, например, поддерживали знакомство и роднились главным образом с одноворцами же, крестьяне помещичьи между собою и т.д.» [Дурново, 1969: 166].

Если потомков военно-служилых людей звали *одноворцами*, то помещичьих крестьян – *цуканами*. Как отмечает Д.К. Зеленин, по месту своей первоначальной родины цуканы, проживающие в Орловской губернии, в основном являются выходцами из северновеликорусских губерний – Владимирской, Новгородской, Тверской. Слово *цуканы* до сих пор известно носителям орловских говоров: *Цуканами нъзывались бывшыя памещичьи крестьяне, адивались ани, главным обръзам, в яркие адежды: жэничины насили шырокие клетчатые юпки, ръзнацветные платки. Как и много лет назат, ездят и теперь нъ Николу и Казанскую к цуканам, а на Пакров и Казьма Димьянъ к ягунам* (о жителях д. Каменка и д. Мокрое Малоархангельского района). Известен и фонетический вариант *суканы́*, зафиксированный в Верховском районе: *Люди ис сила Баранчик пъстаяннъ ссорютцъ с суканами, жывуцими чириз речку. Для них баранчики придумъли дразнилку: «Суканы-суканчики, аднадворцы, хамчики»*. Дразнилки по отношению к группам людей, имеющих в

чем-то отличия, очень распространены в сельской местности. Вот еще одна, относящаяся к цуканам: *Цуканята, я ваш Бох, вы – с рауами, я – биз рох* (Троснянский район).

Существенные отличия в речи потомков бывших однодворцев – потомков военно-служилых людей, военизированных земледельцев и помещичьих крестьян – отчетливо проявлялись даже в первой половине XX в. А.М. Селищев, уроженец с. Волово Ливенского уезда Орловской губернии, в работе «Заметки по великорусской диалектологии», характеризуя речь своих односельчан, отмечает, что речь государственных крестьян, бывших однодворцев, и речь бывших помещичьих крестьян, цуканов, отличается на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях [Селищев, 1968].

Каждая из групп населения на протяжении веков сохраняла особенности в укладе жизни, одежде (в ее комплекте, покрое, цветовой гамме и др.), приготовлении пищи, обычаях, а также в языке.

А.М. Селищев отметил главные черты говора цуканов, «особенности, которые режут ухо однодворца» и являются предметом насмешки со стороны государственных крестьян: произношение *пытаму, ны-палу, ты-ба* (вместо *ты-бы*), *маво, тваво, сваво, нисётъ, плитётъ, визётъ, хотца* и др.

Материалы, приводимые А.М. Селищевым, дают возможность сравнить состав названий разных видов одежды, свойственной однодворцам и цуканам. У государственных крестьян *рубаша аллиная, поддевка холодная (без стежи), поддевка теплая, клетчатка* «юбка из тонкой самодельной шерстяной материи с некрупными клетками, цвета яркие – красный, зеленый, желтый», *зипун* «пальто из грубосамодельного сукна», *алый платок, лапти, чуни, сапоги, валенки*, а также *костылюшка* «жилетка», *холодайка* «кофта из черной, чаще люстриновой ткани» и др. У помещичьих крестьян *рубаша льняная, поддевка с подпояской, панева* «юбка из тонкого самодельного сукна с крупными клетками, цвета – черные или синие с желтыми полосками», *чекмень* «пальто из грубосамодельного сукна», *кокошник, коты*.

Отличие в одежде разных субэтносов – однодворцев и помещичьих крестьян – показано и в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки»: *...бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнувших краской, ... барские в своих красивых и грубых, дикарских костюмах...*

Значительное число однодворцев проживало в Ливенском уезде, но жили они и в восточных районах Орловской губернии. В Болховском уезде их звали *алая кровь, индюхи* («прозвище за их гордость») [Сахаров, 1900].

Интересно, что сведения об особенностях быта, одежды, обычаев, поведения, речи однодворцев содержатся в художественных произведениях известных писателей-орловцев.

Однодворец середины XIX в. выразительно представлен И.С. Тургеневым в рассказе «Однодворец Овсяников» его знаменитого цикла «Записки охотника»: *...это человек с ясным и умным взором..., с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой... Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца.*

Описание однодворца находим и в произведениях И.А. Бунина. В рассказе «Божье древо» писатель так характеризует речь Якова Нечаева, однодворца из сельца Прилепы, входящего в прошлом в состав Ливенского уезда Орловской губернии: *Что однодворец, сразу заметно – поговору. ...Говор старинный, косолапый, крупный.*

Словарный запас Якова включает в себя немало устаревших и диалектных слов. Так, к историзмам относится слово *кумане*: *Ногайцев он назвал кумане, – древнее название половцев...* По всей видимости, это измененное *куманы/кумани* – этноним древнего народа. Как этнос «...куманы исчезли, сначала большинство их покорилось монголам и стало частью Золотой Орды, затем, потеряв этнические особенности, вошли в состав новых этнических образований – татар (крымских и казанских), караимов, карачевцев и балкарцев. Этноним *куманы* исчез» [Евстигнеев, 2012: 97].

В речи однодворца встречается слово *варяжить* вместо *торговать*. Явно к архаизмам относится слово *мáханина* «конина».

Неоднородность этнического состава Орловщины проявляется и в распространенности в живых говорах многочисленных названий социально-экономических и культурно-исторических существовавших в прошлом групп населения: *цуканьí, ягуньí, гого́лки, саяньí* и др. Д.К. Зеленин в свое время отмечал, что обилие подобных названий свидетельствует об этнографической пестроте населения той или иной губернии [Зеленин, 1994: 62].

Яркое своеобразие произношения слов сразу замечается жителями окрестных деревень. Такие фонетические особенности нередко закрепляются в коллективных прозвищах, мотивационная основа многих из них объяснена носителями говоров:

цуканьí – Цуканами демидовских завут: *цыкают ани*;

гого́лки – Ребята, не ходите в коноплю: там гоголки. Мы смеялись. Какие там гоголки?

Они говорят на г: мы – [γ]оворя́ть, а они – [г]оворя́т;

гага́и – У нас гагаями заезжих нъзывают, гыкъють пътаму што;

ягуньí – «говорят яго вместо его (ево)» [Журавлёв, 1984: 127].

Необходимо отметить и еще одну особенность фонетической системы орловских говоров, сформировавшуюся первоначально, по мнению Д.К. Зеленина, как черта сословного говора, а

именно: смягчение заднеязычного звука [к] после мягких согласных и [й]: *ба́нь[к']а, бо́ч[к']а, чай[к']у́ – С талчеи пянь[к']у привязуть и патом мыкьють грибёнкый. Мъразяньч[к']а – плитущьч[к']а панижъ, ат каровки къньячѣк, къньяч[к']ом аклеивъешь, лёт здельется, катится хърашо. Скамей[к']а... тожъ паливали, чтоб ана была са ска́лѣм, на ей катались. Липовъщ[к']а – малинькия кадушъщ[к']а.*

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычного [к] наиболее широко распространено на востоке говоров южного наречия. Изучению этого явления в народных говорах посвятил свое исследование Д.К. Зеленин. Он считает, что смягчение задненебных согласных, появившись «впервые в южновеликорусском, акающем говоре, вероятно, где-нибудь около Коломны или Рязани» не ранее XV в., «распространилось в разных говорах как черта культурная и модная». В активизации этой особенности большую роль сыграли военно-служилые люди (предки однодворцев), заимствовавшие ее от детей боярских. «Здесь это была черта сословного говора, и распространению ее много содействовало сознательное подражание низших разрядов сословия (приборных военно-служилых людей) высшему разряду (детям боярским)» [Зеленин, 1913: 533].

Выводы

Своеобразие исторического развития территории верхнеокского бассейна, особенности ее заселения и этнического состава Орловщины, обособленность жизни отдельных социальных групп населения внесли свою лепту в создание неоднородности лингвистического ландшафта как яркой отличительной черты орловских говоров – одних из центральных говоров южного наречия, сыгравших немаловажную роль в формировании русского литературного языка.

Литература

- Аванесов Р.И. (1974) Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение. 287 с.
- Горшкова К.В. (1972) Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение. 160 с.
- Дурново Н.Н. (1969) Введение в историю русского языка. М.: Наука. 295 с.
- Естигнеев Ю.А. (2012) Куманы/куны: кто они // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 91–97. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kumany-kuny-kto-oni>. Дата обращения: 07.08.2022.
- Журавлёв А.Ф. (1984) Областные прозвища // Русская речь. № 5. С. 124–129. Режим доступа: <https://ruskayarech.ru/sites/default/files/journals/1984/1984-5.pdf>. Дата обращения: 21.02.2023
- Зеленин Д.К. (1913) Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: ОРЯС ИАН. 544 с. // <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf>. Дата обращения: 07.07.2022.

- Зеленин Д.К.* (1994) Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии : (Этнографический и историко-литературный очерк) // Избранные труды : Статьи по духовной культуре : 1901–1903. М.: Индрик. С. 59–104.
- Кирсанова Е.И.* (1984) Об одном севернорусском говоре на территории Орловской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию : Лексические и грамматические исследования : Межвузовский сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. С. 30–33.
- Котков С.И.* (1951) Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Ученые записки Орловского государственного педагогического института. Т. V. Кафедра русского языка. Вып. 2. Орёл. С. 58–124.
- Котков С.И.* (1951) Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Институт языкознания : Доклады и сообщения. II. М.: Издательство Академии Наук СССР. С. 42–56.
- Котков С.И.* (1970) Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М.: Наука. 318 с.
- Котков С.И.* (1980) Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука. 294 с.
- Никонов В.А.* (2005) Орловские фамилии // География фамилий. М.: КомКнига. С. 92–97.
- Пясецкий Г.* (1875) Исторические очерки г. Болхова и его святыни. Орёл: Типография князя Оболенского. 170 с.
- Русская диалектология (1989) / Под ред. проф. Л.А. Касаткина. М.: Просвещение. 224 с.
- Сахаров А.И.* (1900) Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. LXVIII. № 5. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 48 с. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-sahrw.htm>. Дата обращения: 20.02.2023.
- Селищев А.М.* (1968) Заметки по великорусской диалектологии // Избранные труды. М.: Просвещение. С. 402–428.
- Словарь орловских говоров (1989–2016) / Ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–17. Ярославль ; Орёл.
- Словарь русских народных говоров (1965–2021) Вып. 1–52. М. ; Л./СПб.
- Словарь современного русского литературного языка (1950–1965) Т. 1–17. М. ; Л.: Изд-во АН СССР.
- Трубачёв О.Н.* (2005) В поисках единства : Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука. 286 с.
- Фасмер М.* (1964–1973) Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс.
- Чайкина Ю.И.* (2005) История лексики Вологодской земли : (Белозерье и Заволочье). Вологда: Русь. 260 с.

References

- Avanesov, R.I.* (1974) Russkaja literaturnaja i dialektnaja fonetika [Russian literary and dialect phonetics]. М.: Prosveshhenie. 287 p. (In Russ.)
- Gorshkova, K.V.* (1972) Istoricheskaja dialektologija russkogo jazyka [Historical dialectology of the Russian language]. М.: Prosveshhenie. 160 p. (In Russ.)
- Durnovo, N.N.* (1969) Vvedenie v istoriju russkogo jazyka [Introduction to the history of the Russian language]. М.: Nauka. 160 p. (In Russ.)
- Estigneev, Yu.A.* Kumany/kuny: kto oni [Cumans/Kuns: who are they] // Obshhestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Evolution]. No. 2 [online]. Aviable at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kumany-kuny-kto-oni>. Access date: 07.08.2022. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.F.* (1984) Oblastnye prozvissha [Regional nicknames] // Russkaja rech' [Russian speech]. No. 5 [online]. Pp. 124–129. Aviable at: <https://russkayarech.ru/sites/default/files/journals/1984/1984-5.pdf>. Access date: 21.02.2023. (In Russ.)

- Zelenin, D.K.* (1913) Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperehodnym smjagcheniem zadnenjobnyh soglasnyh v svjazi s techenijami pozdnejshej velikorusskoj kolonizacii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive softening of posterior consonants in connection with the currents of the later Great Russian colonization]. SPb.: ORYAS IAN. 544 p. Avialbe at: <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf>. Access date: 07.07.2022. (In Russ.)
- Zelenin, D.K.* Narodnye prislovia i anekdoty o russkih zhiteljah Vjatskoj gubernii :(Jetnograficheskij i istoriko-literaturnyj ocherk) [Folk sayings and anecdotes about the Russian inhabitants of Vyatka province (ethnographic and historical-literary essay)] // Izbrannye trudy : Stat'i po duhovnoj kul'ture : 1901–1903 [Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1903]. M.: Indrik. Pp. 59–104. (In Russ.)
- Kirsanova, E.I.* (1984) Ob odnom severnorusskom govore na territorii Orlovskoj oblasti [About a Northern Russian dialect on the territory of the Orel region] // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju : Leksicheskie i grammaticheskie issledovanija : Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University. Pp. 30–33. (In Russ.)
- Kotkov, S.I.* (1951) Govory Orlovskoj oblasti so storony ih vokalizma [Dialects of the Orel region from the side of their vocalism] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Iss. V. Department of the Russian Language. Vol. 2. Orel. Pp. 58–124. (In Russ.)
- Kotkov, S.I.* (1951) Zametki po konsonantizmu kursko-orlovskih govorov [Notes on the consonantism of the Kursk-Orel dialects] // Institut jazykoznanija : Doklady i soobshhenija [Institute of Linguistics. Reports and communications]. Vol. II. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Pp. 42–56. (In Russ.)
- Kotkov, S.I.* (1970) Ocherki po leksike juzhnovelikorusskoj pis'mennosti XVI–XVIII vekov [Essays on the vocabulary of the South Great Russian writing of the XVI–XVIII centuries]. M.: Nauka. 318 p. (In Russ.)
- Kotkov, S.I.* (1980) Lingvisticheskie istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. M.: Nauka. 294 p. (In Russ.)
- Nikonov, V.A.* (2005) Orlovskie familii [Orel surnames] // Geografija familij [Geography of surnames]. M.: KomKniga. Pp. 92–97 (In Russ.)
- Pjaseckij, G.* (1875) Istoricheskie ocherki g. Bolhova i ego svjatyni [Historical sketches of Bolkhov and his shrines]. Orel: Tipografija knjazja Obolenskogo. 170 p. (In Russ.)
- Russkaja dialektologija [Russian Dialectology] (1989) / Ed. by prof. L.A. Kasatkin. M.: Prosveshhenie. 224 p. (In Russ.)
- Saharov, A.I.* (1900) Jazyk krest'jan Il'inskoj volosti Bolhovskogo uezda Orlovskoj gubernii [The language of peasants of the Ilyinsky volost of the Bolkhovsky district of the Orel province] // Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN. Vol. LXVIII. No. 2 [online]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk. 48 p. Avialbe at: <http://diderix.petergen.com/lub-sahrw.htm>. Access date: 20.02.2023 (In Russ.)
- Selishchev, A.M.* (1968) Zametki po velikorusskoj dialektologii [Notes on the Great Russian dialectology] // Izbrannye trudy [Selected works]. M.: Prosveshhenie. Pp. 402–428. (In Russ.)
- Slovar' orlovskih govorov [Dictionary of Orel Dialects] (1989–2016). / Ed. T.V. Bakhvalova. Vol. 1–17. Yaroslavl, Orel. (In Russ.)
- Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects] (1965–2021). Vol. 1–52. M.; L./SPb. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (1950–1965) [Dictionary of Modern Russian Literary Language (1950–1965)]. Vol. 1–17. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
- Trubachev, O.N.* (2005) V poiskah edinstva : Vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia]. M.: Nauka. 286 p. (In Russ.)

Fasmer, M. (1964–1973) *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. M.: Progress. (In Russ.)

Chaikina, Yu.I. *Istorija leksiki Vologodskoj zemli (Beloz'er'e i Zavoloch'e)* [The history of the vocabulary of the Vologda land : (Belozerye and Zavolochye)]. Vologda: Rus'. 260 p. (In Russ.)

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская д. 95.
Эл. адрес: btv-orel@yandex.ru

Для цитирования: *Бахвалова Т.В.* Лингвистический ландшафт народных говоров Орловщины как результат ее социально-исторического развития [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2023. № 1 (13). С. 128–142. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142

For citation: *Bakhvalova, T.V.* Linguistic landscape of folk dialects of the Orel region as a result of its socio-historical evolution [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 128–142. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142